

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Надежда ВАШИНГТОН

Докторант Междисциплинарного центра
литературных исследований Экс-Марсель (CIELAM).
Университет Экс-Марсель (Франция).
29 Avenue Robert Schuman, 13100 Aix-en-Provence FRANCE;
e-mail: nadia.v.washington@gmail.com

«ГОВОРЯЩЕЕ БЫТИЕ»: ОТ ХАЙДЕГГЕРА К ЛАКАНУ

В статье рассматриваются связи философии Мартина Хайдеггера и психоанализа Жака Лакана в подходе к проблемам речи и языка. Автор анализирует связь между лакановским переворотом в отношениях субъекта и речи и хайдеггеровской онтологией языка. В статье представлена попытка терминологического обзора по данной теме с учётом лакановского понятийного аппарата, переводов Хайдеггера на французский язык, лингвистических работ Фердинанда де Соссюра и Эмиля Бенвениста, а также работ Жака Деррида. Центральным понятием статьи является одно из лакановских определений человека – *être parlant*, истоки которого автор связывает как с фрейдовским психоанализом, так и с экзистенциалами Хайдеггера. Анализ лакановского возврата к Фрейду предлагается к рассмотрению при помощи дерридианской деконструкции, с учётом её связи с трактатом Хайдеггера «Бытие и время».

Ключевые слова: Хайдеггер, Лакан, Деррида, лакановский психоанализ, дазайн, деконструкция, говорящее бытие, дискурс, бытие-к-смерти, субъект

1. Лакан и междисциплинарность

Влияние философии Хайдеггера на развитие психоанализа неоспоримо демонстрирует наследие Жака Лакана. Несмотря на то, что сам Лакан настаивал на том, что он не философ, а психоаналитик, его имя сегодня прочно связано с философией. Учение Ж. Лакана, по его собственным признаниям, формируется под влиянием Г.В.Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Ж. Батая и других философов. Лакан сближает психоанализ и философию, одновременно вписывая учение Фрейда в философскую традицию и противопоставляя дискурс аналитика дискурсу господина. Тем не менее в своих рассуждениях Лакан остаётся прежде всего клиницистом и аналитиком, поэтому в данной статье речь пойдёт не о некоей «философии Лакана», а о связи лакановского психоанализа с философией Хайдеггера. Вопросы языка и речи, сближающие системы двух мыслителей, позволяют проследить связь между ними и приблизиться к сути некоторых положений Лакана с помощью хайдеггеровских понятий.

Французский психоаналитик осуществляет свой знаменитый «возврат к Фрейду»¹ с учётом достижений экзистенциальной философии и набирающей популярность в структуралистских кругах лингвистики, в частности трудов Фердинанда де Соссюра, с которыми Лакан знакомится благодаря своему другу, лингвисту Роману Якобсону. По свидетельству самого Лакана в двадцатом семинаре «Ещё», на котором присутствовал и Якобсон, «сложно было не погрузиться в лингвистику с момента открытия бессознательного»². Лингвистический структурализм привносит в лакановскую концепцию субъекта символическую функцию, в соответствии с которой субъект существует как субъект языка. Опираясь на Фрейда, Лакан развивает теорию бессознательного, «структурированного как язык», при помощи положения Хайдеггера, суть которого можно передать цитатой: «Не мы обладаем языком, но язык обладает нами, к лучшему то или к худшему»³. Афоризм Лакана *“l'inconscient est structuré comme un langage”*⁴, берущий начало со времени коллоквиума в Бонневале в 1960 г. и получивший развитие в несколько этапов в ходе *Семинара*, становится одной из наиболее популярных его идей. Связь языка и бессознательного с точки зрения структуры выделяет лакановский подход среди множества

¹ В некоторых переводах лакановский лозунг *“Retour à Freud”* передаётся как «Назад, к Фрейду!». На наш взгляд, слово «возврат» ближе к французскому *retour* с позиции как означаемого, так и означающего, а также переключается с хайдеггеровским возвратом к Платону и Аристотелю.

² В оригинале: *Il était difficile de ne pas entrer dans la linguistique à partir du moment où l'inconscient était découvert* [29, с. 24].

³ В переводе Д. Смирнова с немецкого: «Не мы имеем речь, но речь имеет нас, в хорошем и плохом смысле» [1]. Представленный нами вариант – перевод с французского: *ce n'est pas nous qui possédons le langage, c'est le langage qui nous possède, pour le meilleur et pour le pire* [16, с. 35]. Здесь и далее мы опираемся на французские переводы Хайдеггера, что позволяет сопоставить их с работами Лакана.

⁴ Бессознательное структурировано как язык.

ответвлений психоанализа того времени. Это положение в первую очередь относится к клиническому полю деятельности: в «Функции и поле речи и языка» Лакан рассматривает симптом с позиции языка, говоря о том, что «симптом разрешается полностью в анализе языка, потому что он сам структурирован как язык, он есть язык, речь которого должна быть донесена»⁵. Таким образом, Лакан продолжает линию Фрейда в анализе связи симптома и речи – то, чему уделяет внимание не всякий долакановский психоаналитик, но описывает лингвист Бенвенист, о котором будет сказано ниже.

Интерес Лакана к вопросам языка и речи прослеживается ещё на заре его профессионального пути. Будучи интерном в области неврологии, Лакан работает под руководством Марка Тренеля со случаями речевых затруднений. Итоги этого кропотливого труда представлены Лаканом в докладе [30] на собрании Парижского неврологического общества в 1928 г. о клиническом случае пифиатизма, который он представляет как психоневротический, а не органический. В дальнейшем, в противовес органическому подходу в психиатрии, Лакан настаивает на существовании бессознательного, а в противовес некоторой механистичности научного подхода, он пытается привнести в психиатрию гуманистическое измерение. Докторская диссертация Лакана также содержит важные ориентиры для дальнейшего развития его теории: анализируя случай Эме, молодой психиатр уделяет особое внимание не самому расстройству мышления, а состоянию субъекта в период, предшествующий заболеванию.

По распространённой версии, знакомство Жака Лакана с текстами Мартина Хайдеггера состоялось в 1933 г. по случаю семинара Александра Кожева, также открывшего ему и философию Гегеля. Более обстоятельная встреча с философией Хайдеггера состоялась, по мнению Стефана Ложкина [33], в 1946 г. в Сорбонне в рамках курса Жана Валя, на работы которого Лакан ссылается в третьем Семинаре. Неслучайно лишь после войны Лакан обращается к трактату «Бытие и время», чтобы обогатить хайдеггеровской трактовкой понятия *алетейя* свою концепцию субъекта. Будучи одним из первых французских читателей Хайдеггера, Лакан внёс свой вклад и в распространение идей немецкого философа во Франции. Рассуждения Мартина Хайдеггера об истине кажутся Лакану столь важными для развития психоаналитического движения, что он публикует текст Хайдеггера «Логос», представляющий собой комментарии к фрагментам Гераклита и Парменида, в своём переводе в первом же номере французского журнала «Психоанализ», возглавленного им в 1956 г., вскоре после второй встречи с немецким философом⁶.

⁵ “...*Le symptôme se résout tout entier dans une analyse de langage, parce qu’il est lui-même structuré comme un langage, qu’il est langage dot la parole doit être délivrée*” [22, с. 267].

⁶ Первая встреча Хайдеггера и Лакана состоялась в начале 1950-х гг. во Фрибурге. Вторая – во Франции в 1955 г. Третья и завершающая встреча имела место в 1975 г., когда Лакан навещал Хайдеггера.

Первый выпуск журнала целиком посвящён вопросам языка в психоанализе и открывается статьёй выдающегося лингвиста Эмиля Бенвениста с комментариями о функции языка в текстах Фрейда. Автор статьи проводит параллели между понятиями лингвистики и литературоведения с психоаналитической теорией Фрейда. В своих рассуждениях о символике бессознательного Бенвенист обращает внимание на то, что именно стилистика речи, а не структура языка как такового может быть сопоставлена с фрейдовским «языком сновидений». Такие стилистические фигуры, как метафора, метонимия, синекдоха, в полной мере отражают субъективность речи, в связи с чем лингвист сравнивает риторику сна с поэзией как наиболее индивидуализированной формой бытования речи и языка. Работа Ж. Лакана «Функция и поле речи и языка», опубликованная в этом же номере и представляющая собой текст доклада, произнесённого на Римском конгрессе 1953 г., также разворачивает тему стилистических особенностей речи и риторики сновидения, а уже в семинаре «Психозы» (1955–1956) и в труде «Инстанция буквы в бессознательном» (речь произнесена в 1957 г.) Лакан подчёркивает связь поэзии и языка бессознательного, делая акцент на метафоре и метонимии в качестве основных приёмов риторики бессознательного. Метафору он называет аналогом фрейдовской конденсации (сгущения), а метонимию – аналогом замещения. Психоаналитическая метафора предполагает одновременное присутствие двух означающих; замещённое слово при этом функционирует как скрытое означающее и влияет на цепочку означающих, как и слово-заместитель.

Примечательно, что Ж. Лакан уже в первом выпуске журнала «Психоанализ» даёт направление на углубление психоаналитического дискурса через диалоги с философией и лингвистикой, что станет одним из ориентиров его дальнейшей преподавательской и клинической деятельности. Вслед за выходом журнала последует семинар «Образования бессознательного» (1957–1958), также посвящённый вопросам языка и речи, в котором рассматривается схема желания, вписанного в язык, но превосходящего последний, т.е. желания, руководящего субъектом, но не имеющего возможности быть услышанным, будучи затерянным в лабиринте означающих.

2. Курс Соссюра в языке Лакана

Необходимо обратить внимание на то, что вслед за Соссюром Лакан делает различие между *langue*, языком как средством коммуникации людей в отдельно взятом сообществе (например, французский язык, *la langue française*), и *langage*, языком как универсальной способностью человеческого существа. Первичным и более важным по отношению к теории бессознательного для Лакана является язык – *langage*, и чаще всего в Семинаре речь идёт именно о нём. Несмотря на то, что в лингвистических работах за соссюровским термином *langage* в русских переводах закреплёно значение *речевая деятельность*, в данной статье мы будем употреблять

более нейтральное слово *язык*, которое не делает акцент ни на речи как феномене или процессе, ни на деятельности как акте, таким образом оно в большей степени охватывает лакановский термин *langage*, а также не противоречит имеющимся переводам Лакана на русский язык.

Соссюровское противопоставление языка (*langue*) и речи (*parole*) также занимает место в лакановской системе терминов. Если язык является общей для конкретного сообщества системой знаков, то речь – это индивидуальный способ субъекта реализовать определённый язык. Словом *parole* Лакан передаёт и хайдеггеровское понятие *Sprache*. В работе Хайдеггера “*Unterwegs zur Sprache*”⁷ содержится исток одного из центральных положений лакановского психоанализа – не мы говорим речь, а речь говорит нас⁸. Лакан настаивает на том, что субъект с рождения попадает в языковую структуру, в которую вынужден вмести́ть, вписать или, скорее, вговорить себя. Жан Бофре, специалист по Хайдеггеру, переводчик его работ на французский язык и по совместительству анализант Лакана, подчёркивает, что труд “*Unterwegs zur Sprache*” – это последняя работа Хайдеггера, обобщающая его достижения в области языка. С учётом понятий Соссюра, которые на момент перевода книги на французский язык уже укоренились в обиходе франкоязычных гуманитарных наук, в ней становится очевидной производность речи (*parole*) от языка (*langue*). В системе Лакана язык – *langage* предшествует субъекту и включает в себя язык – *langue*, поэтому, противопоставляя вслед за Соссюром язык и речь, Лакан противопоставляет речи не *langue*, а именно *langage*, язык в широком смысле. Например, в «Функции и поле речи и языка» Лакан рассматривает парадоксальность отношений между языком (*langage*) и речью [22, с. 278], отмечая первичность речи над субъектом, функционирование симптома как означающего при вытесненном из сознания означаемом и отчуждение субъекта от цивилизации, проявляющееся через речь.

В понятие *langage* Лакан привносит своё противопоставление, которое он подчёркивает с помощью определённого или неопределённого артикля: *le langage* – язык в общем, предмет изучения лингвистики, воплощающий реальность термина «структура», и именно в общем смысле он является условием бессознательного; или *un langage* – язык в частности, вмещающий истину субъекта, и именно его имеет в виду Лакан, когда говорит, что бессознательное структурировано как язык. При этом между ними есть постоянная связь, так как первый язык на практике всегда проявляется через второй.

⁷ В переводе на французский Бофре, Брокмайера и Федье – *Acheminement vers la parole*, «Путь к речи». В переводе В. Бибихина на русский язык работа опубликована под названием «Путь к языку».

⁸ По признанию философа и переводчика Хайдеггера на французский язык Франсуа Федье, его перевод фразы “*Die Sprache spricht*” как “*La parole est parlante*” («говорящая речь») не передаёт полного смысла фразы, которую стоило перевести как “*C’est la parole qui est parlante*” («Именно речь говорит»). Этот необходимый акцент занимает важное место в теории Лакана.

Ещё одна пара соссюрских терминов в преподавании Лакана – противопоставленные друг другу, но связанные между собой *означающее* (*signifiant*) и *означаемое* (*signifié*) – также легла в основу концепта бессознательного. Развивая и радикализируя мысль Соссюра, опираясь в том числе и на клиническую практику, Лакан отводит именно означающему главенствующую роль (*S/s* или *Signifiant/signifié*), а разделение между означающим и означаемым обозначает как границу. Означающее в отличие от знака – это дым без огня, оно «имеет смысл лишь в отношении к другому означающему»⁹. Новаторство лакановского психоанализа состоит в понимании языка в целом и речи субъекта в частности как многоуровневых отношений означающих, которое открывает целую область исследований как для поля гуманитарных наук, так и для клинической практики.

Подходя к симптому с позиции означающего, Жак Лакан усматривает в нём истину субъекта, разворачивающуюся в сцеплении означающих. Это свойство симптома и терапевтические возможности, которые он открывает, демонстрирует знаменитый клинический случай 1974 г., о котором рассказывает сама анализантка Лакана Сюзанн Хоммель, еврейка по происхождению, родившаяся в немецком Айслебене в 1938 г. По свидетельству пациентки, которая просыпалась в состоянии тревоги в пять часов утра, это был час, когда гестапо приходило искать евреев в их квартале. Когда она рассказала об этом во время одной из сессий с Лаканом, ответом ей стал *жест* психоаналитика, после которого он завершил сессию. Несмотря на то, что сегодня вокруг этого жеста можно организовать целый этический спор о границах терапевта и клиента, мягкое прикосновение к лицу пациентки, на наш взгляд, всё же находилось в рамках психоаналитических отношений, предписывающих исключительно словесный контакт с пациентом (*talking cure*), потому что оно и являлось *высказыванием*, было частью психоаналитической речи. Этим жестом Лакан смягчил означающее *гестано* через *geste à peau*, прикосновение к коже, ведь именно так [*жестано*] читалось бы слово *гестапо* по французским правилам чтения. Зная, что пациентка билингвальна, через принципы языка – *langage* Лакан перевёл означающее на другой язык – *langue*, а инстанция буквы позволила бессознательному пациентки принять терапевтическую работу с означающим, проведя необходимые связи. В результате этой работы симптом не прекратил своё существование, но качественно трансформировался в воспоминание. Так, в интервью Жерару Миллеру для документального фильма «Встреча у Лакана» (*Rendez-vous chez Lacan*) та самая пациентка Сюзанн Хоммель, впоследствии сама ставшая психоаналитиком, признаётся, что даже спустя сорок лет после анализа этот *жест а-по* остался для неё неким ориентиром, постоянным напоминанием о чело-вечности, заменившим ей бесчеловечность гестапо на уровне означающего.

⁹ В оригинале “*Le signifiant n’a de sens que de sa relation à un autre signifiant*”, цит. из “*Du sujet enfin en question*” [22, с. 232].

3. Лакан и французский язык

Свободно владея несколькими языками, Лакан достаточно вольно обращается с иностранными словами в своей речи. Нередко в «Письменах» (*Écrits*) иностранные термины и заимствования никак не глоссированы, будучи встроены во французскую фразу. Когда Лакан оставляет греческие, латинские, немецкие, английские понятия без перевода, с одной стороны, можно расценить это как высокие требования к общей культуре его аудитории, с другой же, такой ход позволяет в некоторой степени избежать умножения означающих, неизбежно возникающего при переводе. В случаях, когда Лакан всё же даёт пояснения и переводы, он делает это с ювелирной точностью и определёнными целями: либо проясняя изначальный смысл понятия, затуманенный устоявшимся не совсем точным переводом, либо подчёркивая полисемию, если одно значение слушатель может поменять другим, либо же осознанно закладывая французскую традицию психоанализа, закрепляя за фрейдовским термином французский аналог, как в случае с *nachträglich*, которое он переводит как *après-coup* (*пост-фактум* или «задним числом»), настаивая на своём пере-открытии (*redécouverte*) этого явления.

Французский язык в текстах и семинарах Лакана – больше, чем просто язык преподавания, передачи знания или осуществления дискурса: он занимает особое место, а точнее, является особым местом, в котором осуществляется творчество самого Лакана. Мэтр психоанализа преподаёт и пишет на французском, не просто преодолевая «стену языка» (*mur du langage*), но и привнося свой вклад в язык (*langue*), создавая его своей речью.

В работе «Функция и поле речи и языка» Жак Лакан разделяет два полюса речи – пустую и полную, – проявляющиеся в процессе психоанализа. Обыденный дискурс представляет собой пустую речь как маневрирование означающих, не несущую никакого смысла. Такая речь поглощает субъекта, который теряется в лабиринтах языка, блуждая по полю имеющегося дискурса проторенными дорогами. Вслед за Хайдеггером Лакан утверждает, что язык в его обыденном варианте не сближает, а разделяет субъектов, он может стать не средством общения, а скорее преградой на его пути.

Как и Хайдеггеру, Лакану удаётся реализовать свою собственную речь, проникая в суть языка. Избегая речевых клише, осмысленно подходя даже к самым привычным речевым оборотам, Лакан создаёт уникальный стиль изложения, который по этим же причинам имеет репутацию сложного для восприятия. При этом сложность лакановских текстов связана в первую очередь не со стилем изложения автора, а скорее с феноменом «языковой стены» читателя, которую текст Лакана преодолевает вместе с последним. Слово, играющее центральную роль в психоаналитическом лечении, доминирует и в преподавании Лакана, большая часть наследия которого представляет собой расшифровки устных выступлений. По выражению Элизабет Рудинеско, Лакан «монологизирует» [37, с. 83], безупречно владея тончайшими оттенками речи.

Лакановский вклад в язык проявляется и в словотворчестве, которое на практике воплощает суть его взгляда на природу слова, а именно – положение о том, что двусмысленность или многозначность есть свойство означающего. Говоря о том, что именно игра слов подчёркивает отличие одного языка от другого, Лакан мастерски жонглирует нюансами французской речи. Автор огромного количества неологизмов¹⁰, прочно вошедших в психоаналитический словарь лакановской школы в качестве острот автора или даже терминов, Жак Лакан вводит во французский язык в том числе и новые слова, обозначающие сам язык и способы его существования, как то *lalangue*¹¹ (в некоторых переводах *йазык* или *ляязык*), *parlêtre* (в некоторых переводах *говорящее существо* или *словсущество*), *mi-dire* (*полу-сказать*), *linguisterie* (*лингвистерия*), как называет свои лингвистические опыты Лакан в двадцатом семинаре.

Отталкиваясь от хайдеггеровской идеи о языке как «доме бытия», Лакан делает язык местом, дискурсом Другого, т.е. условием самого существования бессознательного. Неологизм *dit-mension* (*сказ-мерение*), выражаясь фрейдовским языком, конденсирует разные стороны этой идеи: *dimension* – измерение, *dit* – говорит или называемый, английское *mansion* – дом. Остроты-неологизмы Лакана, даже мультязычные, с трудом поддаются переводу на иностранные языки, будучи построены по фрейдовскому принципу конденсации. Словотворчество Лакана не отдаляет его от теории Фрейда, создавая новый терминологический аппарат, а наоборот, схватывает суть аналитического языка, ведь именно Фрейд отмечает языковую структуру сна и языковые свойства структуры бессознательного.

В своём мастерстве владения речью, в своём отношении к французскому языку Лакан приближается к реализации хайдеггеровского *Dichtung*, высшей степени речевого созидания, философскому поэтизированию, свободному от повседневных языковых пут. В лекции «Введение в философию: мыслить и поэтизировать» Хайдеггер утверждает, что лишь мысль и поэзия представляют сферу языка в чистом виде. В дальнейшем в трактате «Бытие и время» Хайдеггер отводит поэзии роль постижения *Dasein* наравне с этикой, антропологией и философией. Уже в работе «Что такое метафизика» немецкий философ отводит именно слову поэта роль постижения сакрального: так, мысль бытия разворачивается в поэтическом слове. Комментируя гимны Гёльдерлина, Хайдеггер отказывается от утилитарного понимания языка как поэтического инструмента. Поэтический язык для Хайдеггера первичен, ибо он рождает бытие и находится у истоков искусства. И Хайдеггер, и Лакан часто обращаются к поэзии в своих работах. Столь разные поэты, как Фридрих Гёльдерлин, Георг Тракль, Софокл, Виктор Гюго или Стефан Малларме, являются в них воплощённой иллюстрацией чистой мысли.

¹⁰ По подсчётам коллектива лакановской психоаналитической школы, количество неологизмов достигает 789, чему посвящено отдельное издание [4].

¹¹ *Lalangue* – это также и производное от *Lalande* – фамилии Андре Лаланда, автора популярного Философского словаря, ставшей нарицательным названием этого словаря.

Être parlant

Лакановская концепция субъекта также многим обязана Хайдеггеру и его понятию *Dasein*. Обращаясь к хайдеггеровскому определению смерти в своей работе «Функция и поле речи и языка», Лакан переводит термин *Dasein* как *sujet* (субъект), говоря о том, что инстинкт смерти выражает лимит исторической функции субъекта [22, с. 316], ведь именно смерть представляет собой «абсолютно чистую, безусловную, непревосходимую, достоверную и в качестве таковой – неопределённую возможность субъекта»¹². Если Хайдеггер утверждает, что смерть завершает *Dasein*, который лишь в ней достигает состояния полноты, в которой больше нет никакого ожидания, то Лакан видит в бытии-к-смерти направленность желания субъекта и увековечивание его желания. В «Функции и поле речи и языка» Лакан приводит пример Эмпедокла, бросившегося в жерло вулкана Этна, реализовав тем самым своё бытие-к-смерти¹³. Таким образом, Лакан подчёркивает хайдеггеровскую временность *Dasein* через желание вечности. В отличие от Эммануэля Левинаса, трактующего хайдеггеровское понятие смерти как само условие времени, Жак Лакан настаивает на пределе исторической функции субъекта, проявляющейся во «влечении к смерти», возвращая тем самым к смыслу фрейдовского понятия, изложенного в работе «По ту сторону принципа удовольствия», – смерти как возврату к неорганическому, разрядке напряжения живого существа в стремлении к первичному неживому состоянию.

Знаменитые вопросы о смерти, заданные Лаканом во время конференции в Лувене в 1972 г., рассматривают историческую функцию субъекта с экзистенциальной нотой в повествовании, представляя смерть как единственную аутентичную уверенность: «Смерть – достояние веры. Разумеется, вы правы, веря в то, что умрёте, это поддерживает вас. Если бы вы не верили в это, смогли бы вы выносить вашу жизнь как она есть? Если бы было невозможно основательно опереться на уверенность в том, что наступит конец, смогли бы вы вынести всю эту историю?»¹⁴.

В трактате «Бытие и время» Хайдеггер утверждает, что человек говорящий совершает постоянное бегство от смерти, проявляющееся в его

¹² В оригинале “possibilité absolument propre, inconditionnelle, indépassable, certaine et comme telle indéterminée du sujet” [22, с. 316] – это лакановский перевод отрывка из трактата «Бытие и время».

¹³ *être-pour-la-mort*. Во французской философской литературе распространены две версии перевода выражения *Sein zum Tode*: более популярная *être-vers-la-mort* в переводе Франсуа Везна, опубликованном издательством Галлимар, и менее распространённая, но более заострённая *être-pour-la-mort* в переводе Эммануэля Мартино. Лакан переводит *Sein zum Tode* как *être-pour-la-mort* (*pour* – к, для), что ляжет в основу его выражения *être pour le sexe*, бытие к полу, обозначающего структуру субъекта.

¹⁴ “La mort est du domaine de la foi. Vous avez bien raison de croire que vous allez mourir, bien sûr – ça vous soutient. Si vous n’y croyiez pas, est-ce que vous pourriez supporter la vie que vous avez? Si on n’était pas solidement appuyé sur cette certitude que ça finira, est-ce que vous pourriez supporter cette histoire?” [20].

речи как «болтовня» и нейтрально-обезличенные повседневные формы высказывания. Болтовня, проявление сущего, а не бытия, являет собой отсутствие основания, потерю смысла вследствие утраты первичного отношения языка к бытию и соответственно – замыкание языка на самом себе через повторения и разглагольствования. Таким образом, язык содержит в себе как возможность постижения бытия, так и его потенциальное разрушение [16, с. 67–68].

Комментируя феномен болтовни в русле хайдеггеровской концепции смерти, Левинас отмечает её неизбежную двусмысленность, так как её иллюзорная «уверенность не является аутентичной уверенностью смерти»¹⁵. Эта формулировка Левинаса интересна помимо прочего и тем, что она демонстрирует феномен наложения или удвоения означающих, по мысли Лакана, свойственного языку, ибо смерть как доминирующее и непроизносимое означающее находится в поле воображаемого и на грани реального. Бегство от смерти как проявление тревоги для Лакана является свидетельством желания, основанным на фантазме возвращения в материнскую утробу. Этому глубинному желанию также суждено затеряться в коридорах означающих, так как смерть как направление желания вступает в особые отношения с означающими, не зависящие от воли субъекта, но проявляющиеся в его речи. Вслед за Гегелем Лакан трактует смерть как первичное условие существования языка, подобное созданию символов, увековечивающих вещи. Смерть таким образом проявляется в самом существовании означающих, и как чистое означающее она первична по отношению к остальным.

Субъект Лакана также претерпевает влияние хайдеггеровской интерпретации *логоса*, что перекликается с возвратом немецкого философа к Аристотелю. Если, согласно Аристотелю, человек – это животное, обладающее *логосом*, то Хайдеггер развивает это положение, противопоставляя человеческий язык системам коммуникации животных: несмотря на развитость способов общения некоторых животных, только человеческий язык способен достичь значения самого бытия, таким образом наделяя мир смыслом. Лакан противопоставляет так называемых социальных животных и человеческих существ как существ языковых (*êtres langagiers*). Если даже развитые группы животных, такие как муравьи или пчёлы, объединены между собой инстинктом, то человеческие существа проживают совместное бытие в языке. Это совместное бытие Лакан называет дискурсом. Иными словами, именно способность к дискурсу, осуществляющему социальные связи, а не способность к общению как таковому отличает человека от животного.

Таким образом, понятие языка у Лакана приближается к экзистенциалу: язык в его системе превосходит предписываемую ему утилитарную роль, являясь проявлением бытия. Развивая линию экзистенциалов в своей собственной терминологии, отталкиваясь от понятий *бытие-в-мире* и *бытие-*

¹⁵ “...*La certitude n'est pas la certitude authentique de la mort*” [32, с. 57].

к-смерти, Лакан определяет человека как *говорящее бытие*¹⁶ (или *бытие говорящее*, такая версия перевода не только сохранила бы порядок слов, но и подчеркнула бы связь с хайдеггеровскими экзистенциалами), т.е., с одной стороны, *бытие-в-языке*, с другой – способ проникновения наслаждения в область речи.

Рассуждая о термине *говорящее бытие* на конференции в Лувене [20], Лакан называет *être parlant* плеоназмом, потому что *être* (бытие) по определению подразумевает характеристику *parlant* (говорящее), ибо бытие может существовать только в языке. Важно отметить, что, в отличие от дискурса, говорение как таковое не имеет социальной функции: субъект говорит не для общения, о чём свидетельствует тот факт, что люди продолжают говорить и в одиночестве. Говорящие существа, по Лакану, – это существа говоримые, живущие в языке. Язык, а не сам субъект является источником речи и даже мышления. Другими словами, не субъект мыслит, реализуя свои мысли в определённом языке, но сам язык в широком смысле мыслит в субъекте. «Было бы неверным считать, что если бы не было языка, он (субъект) бы мыслил»¹⁷, – говорит Лакан, настаивая на том, что язык является основой не только дискурса или знания, но всего созданного человеком.

Исходя из позиции желания субъекта, Лакан утверждает, что нехватка является одним из определяющих свойств *être parlant*, так как говорением движет желание. С самого начала ребёнок должен войти в свой «родной язык» в качестве желающего субъекта, потому что ему не остаётся ничего иного для *бытия-с-другими*, кроме как вписываться в уже существующий язык. Наслаждение же вносит конфликт в отношение говорящего бытия к телу, которое определяется сказ-мерением и разрешается через язык. Чем дальше субъект входит в язык, тем более он отдаляется от прямого телесного наслаждения (*jouissance*), так как речь и тело субъекта разделены. Говорящее тело получает специфическое наслаждение через речь, взятие слова. Наслаждение говорящего существа находится в поле бессознательного, которое Лакан называет *parlêtre*¹⁸. Иначе говоря, лакановское Я не мыслит, а говорит и наслаждается говорением. К слову, именно это специфическое наслаждение, а не интерпретации аналитика, согласно Лакану, удерживает субъекта в анализе.

4. Деконструкция как возврат

Говоря о связи философии Хайдеггера и психоанализа Лакана, мы не пытаемся ни выявить преимущество мысли второго от первого, ни назвать Лакана представителем хайдеггеровской школы. Вообще отношения Лакана

¹⁶ Речь идёт о понятии *être parlant*, а не *parlêtre*, которое можно перевести на русский язык аналогичным образом.

¹⁷ “On aurait bien tort de croire que, s’il n’y avait pas de langage, il penserait” [32, с. 57].

¹⁸ Мы предлагаем переводить *parlêtre* словом *говоримое*, так как Лакан образует его по принципу словослияния *parler/parlant* (говорить/говорящий) и *être* (бытие).

и школы как преемственности или как институции были неоднозначными. Выйдя из Парижского психоаналитического общества (SPP) в результате скандала, Лакан создаёт Парижскую школу фрейдизма (*École freudienne de Paris*), таким образом подчёркивая преемственность идей Фрейда, но не фрейдистского кружка. Несмотря на то, что сегодня лакановские психоаналитики представляют собой значительное движение не только во франкоязычной среде, но и за её пределами, так как его последователи образовали несколько крупных школ, сам же Лакан никогда не создавал именно лакановской школы: «Это ваше право быть лаканистами, если хотите. Я же – фрейдист»¹⁹, – заявляет французский психоаналитик в ходе последнего семинара в Каракасе. Жак Лакан проводит своё учение под знаком возврата к Фрейду, с постоянным напоминанием о том, что психоанализ – прежде всего практика говорения, причём практика анализанта.

Сегодня обсуждение лакановского наследия сложно представить себе без того шага, который совершил для французской и мировой философии Жак Деррида, мысль которого позволяет выявить ещё один общий аспект между системами М. Хайдеггера и Ж. Лакана. Для этого обратимся к знаменитому «возврату к Фрейду» через понятие деконструкции, которому чрезвычайно трудно дать единое определение, так как оно находится в поле теории и практики одновременно. Само понятие деконструкции возвращает нас к работе Хайдеггера «Бытие и время», в частности к термину *Destruction*, которым немецкий философ обозначает разбор как некий демонтаж сложившихся осей онтологической традиции, позволяющий вернуться к вопросу бытия. Если изначально во французскую философию термин *déconstruction* был введён Жераром Гранелем как перевод хайдеггеровского *Abbau*, Деррида же постепенно в ряде лекций закрепляет этот термин для перевода *destruktion*, а ко времени знаменитого коллоквиума “The Language of Criticism and the Science of Man”, который состоялся в 1966 г. в Балтиморе, *деконструкция* занимает место как самостоятельный термин философии Деррида. Главное отличие её от деструкции состоит в том, что такой демонтаж представляет собой не разрушение, а разбор на элементы, пересмотр связей между этими элементами и анализ структур.

Если де(кон)структивный жест Хайдеггера можно расценить как *возврат* к Платону и Аристотелю, то Лакан совершает свой *возврат* к Фрейду подобным образом, через де(кон)струкцию набравшего на тот момент обороты фрейдизма, начавшего доминировать над самим Фрейдом и постепенно заслонившего собой Фрейда от читателя. Лакановский возврат к Фрейду – это в первую очередь возврат к букве Фрейда, подразумевающий прочтение текста самого Фрейда, без наслоения текстов его интерпретаторов. Такой возврат – это деконструкция в её исходном, хайдеггеровском смысле, но в то же время лакановской возврат – это и деконструкция в смысле дерридианском, одновременно чтение и письмо, понимание

¹⁹ *C'est à vous d'être lacanien, si vous voulez. Moi, je suis freudien.*

и создание смысла. Именно психоанализ оказывается в те годы системой, имеющей все инструменты для деконструкции благодаря своему особому дискурсу. Неслучайно Деррида и сам общается к психоанализу с философской точки зрения в ряде своих работ.

Лакановский *retour à Freud*, на наш взгляд, не содержит в себе призыва «Назад!», потому что он не находится в области некоего диахронического поворота. Выражаясь словами Соссюра, лакановский возврат учитывает синхронию, потому и осуществляется с учётом философии Хайдеггера и достижений современной ему лингвистики. Таким образом, *говорящее бытие* Лакана опирается на мысль Фрейда, Гегеля, Хайдеггера, Соссюра, но появление этого понятия стало возможно лишь в рамках своего времени и средствами аналитического дискурса, в которые Жак Лакан привносит своё уникальное слово.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Гимны Гёльдерлина «Германия» и «Рейн» // Vox. 2007. № 2. URL: <https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%20%20-%20heidegger.pdf> (дата обращения: 16.12.2019).
2. Assoun P.-L. Lacan. Paris: Presses Universitaires de France, 2013. 127 p.
3. Auroux S., Deschamps J., Kouloughli D. La philosophie du langage. Paris: Presses Universitaires de France, 2004. 480 p.
4. Bénabou M., Cornaz L., Péliissier Y., Liège D. de. 789 néologismes de Jacques Lacan. Paris: EPEL, 2002. 170 p.
5. Briole G. Le jeune Lacan, tel qu'en lui-même // La Cause freudienne. 2011. Vol. 79. No. 3. P. 98–105.
6. Cambon F. Cheminement avec Heidegger, pas sans Lacan // La Cause freudienne. 2011. Vol. 79. No. 3. P. 110–117.
7. Capron F. Psychanalyse et déconstruction // Revue d'éthique et de théologie morale. 2016. Vol. 290. No. 3. P. 89–111.
8. Derrida J. Heidegger: la question de l'Être et l'Histoire. Paris: Galilée, 2013. 325 p.
9. Derrida J. Psyché. Invention de l'autre. Paris: Galilée, 1987. 651 p.
10. Dictionnaire Martin Heidegger: vocabulaire polyphonique de sa pensée / Sous la direction de Ph. Arjakovsky, F. Fédier, H. France-Lanord. Paris: Les Éditions du Cerf, 2013. 1450 p.
11. Freud S. Écrits philosophiques et littéraires / Édition révisée, corrigée et annotée par E. Roudinesco et J.-P. Lefebvre, traductions de M. Gérard, J.-P. Lefebvre, B. Lortholary et D. Tassel. Paris: Éditions du Seuil, 2015. 1728 p.
12. Guérin N. Logique et poétique de l'interprétation psychanalytique. Essai sur le sens blanc. Toulouse: ERES, 2019. 304 p.
13. Heidegger M. Achèvement de la métaphysique et poésie / Trad. de l'allemand par J. Beaufret. Paris: Gallimard, 2005. 189 p.
14. Heidegger M. Être et Temps / Trad. de l'allemand par F. Vezin. Paris: Gallimard, 1996. 600 p.
15. Heidegger M. Introduction à la recherche phénoménologique / Trad. de l'allemand par A. Boutot. Paris: Gallimard, 2013. 368 p.

16. *Heidegger M.* Les hymnes de Hölderlin: La Germanie et le Rhin / Trad. de l'allemand par F. Fédier et J. Hervier. Paris: Gallimard, 1988. 285 p.
17. *Heidegger M.* Prolégomènes à l'histoire du concept de temps / Trad. de l'allemand par A. Boutot. Paris: Gallimard, 2006. 475 p.
18. *Izcovich L.* L'être de jouissance // L'en-je lacanien. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 35–46.
19. *Izcovich L.* L'identité sexuelle et l'impossible // L'en-je lacanien. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 81–92.
20. Jacques Lacan: Conférence de Louvain // La Cause Du Désir. 2017. Vol. 96. No. 2. P. 7–30.
21. La psychanalyse [Recherche et enseignement freudiens de la Société française de psychanalyse]. Vol. 1: Travaux des années 1953–1955. De l'usage de la parole et des structures de langage dans la conduite et dans le champ de la psychanalyse. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. 291 p.
22. *Lacan J.* Écrits I, Texte integral. Paris: Éditions du Seuil, 1966. 576 p.
23. *Lacan J.* Écrits II. Paris: Éditions du Seuil, 1966. 418 p.
24. *Lacan J.* Le jouir de l'être parlant s'articule // La Cause Du Désir. 2019. Vol. 101. No. 1. P. 11–14.
25. *Lacan J.* Le Séminaire Livre I Les écrits techniques de Freud. Paris: Éditions du Seuil, 1998. 436 p.
26. *Lacan J.* Le Séminaire Livre III Les Psychoses (1955–1956). Paris: Éditions du Seuil, 1981. 362 p.
27. *Lacan J.* Le Séminaire Livre V Les formations de l'inconscient (1957–1958). Paris: Éditions du Seuil, 1998. 526 p.
28. *Lacan J.* Le Séminaire Livre X L'Angoisse. Paris: Éditions du Seuil, 2004. 400 p.
29. *Lacan J.* Le Séminaire Livre XX Encore. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 144 p.
30. *Lacan J., Trénel M.* Abasie chez une traumatisée de guerre (séance de la Société de neurologie du 2 février 1928) // Revue neurologique. 1928. T. 1. P. 233–237.
31. Les mots d'esprit // Études. 2012. Vol. 416. No. 6. P. 803–813.
32. *Lévinas E.* La mort et le temps. Paris: L'Herne, 1991. 155 p.
33. *Lojkine S.* Lacan avec Heidegger: le dépassement du paradigme linguistique // Exil – Transfert – Mémoire / Exil – Transfer – Gedächtnis / Dir. M. Picker, D. Kimmich, P. Lang. Frankfurt a/M.: Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2016. P. 137–148.
34. *Manzari F.* Écriture derridienne: entre langage des rêves et critique littéraire. Berne: Peter Lang, 2009. 389 p.
35. *Peraldi F.* Le réel, la mort // Santé mentale au Québec. 1990. No. 15 (2). P. 17–32.
36. *Perazzi S.* Le parlêtre et la jouissance de la parole. URL: <https://www.lacan-universite.fr/wp-content/uploads/2018/01/06-Ironik28-Sylvette-Perazzi.pdf> (дата обращения: 16.01.2020).
37. *Redeker R.* Les Sentinelles d'humanité: Philosophie de l'héroïsme et de la sainteté. Paris: Desclée De Brouwer, 2020. 300 p.
38. *Roudinesco E.* Lacan, envers et contre tout. Paris: Éditions du Seuil, 2011. 174 p.
39. *Saussure F. de.* Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1995. 269 p.
40. *Simonelli T.* De Heidegger à Lacan. URL: <http://www.psychanalyse.lu/articles/SimonelliHeideggerLacan.htm> (дата обращения: 29.11.2019).

PSYCHOANALYTICAL ANTHROPOLOGY

Nadezhda WASHINGTON

PhD student in General and comparative literature
Center of Interdisciplinary Studies in Literature at Aix-Marseille (CIELAM).
Aix-Marseille University.
29 Avenue Robert Schuman, 13100 Aix-en-Provence FRANCE;
e-mail: nadia.v.washington@gmail.com

SPEAKING BEING: FROM HEIDEGGER TO LACAN

The article discusses the connections between the philosophy of Martin Heidegger and the psychoanalysis of Jacques Lacan in the approach to the problems of speech and language. The author analyzes the relation between the Lacanian subversion of the subject and his speech and Heidegger's ontology of language. The article presents an attempt at a terminological review on this topic, taking into account the Lacanian conceptual apparatus, French translations of Heidegger's works, the linguistic works of Ferdinand de Saussure and Emile Benveniste, as well as the works of Jacques Derrida. The central concept of the article is one of Lacan's definitions of a human being – *être parlant* (speaking being), the origins of which the author connects with both Freudian psychoanalysis and Heidegger's existentials. The analysis of Lacan's *Return to Freud* is proposed for consideration with the help of Derrida's deconstruction, taking into account its origins in Heidegger's treatise "Being and time".

Keywords: Heidegger, Lacan, Derrida, Lacanian psychoanalysis, Dasein, deconstruction, speaking being, discourse, being-toward-death, subject

References

1. Assoun, P.-L. *Lacan*. Paris: Presses Universitaires de France, 2013. 127 pp.
2. Auroux, S. & Deschamps, J. & Kouloughli, D. *La philosophie du langage*. Paris: Presses Universitaires de France, 2004. 480 pp.
3. Bénabou, M. & Cornaz, L. & Pélissier, Y. & Liège, D. de. *789 néologismes de Jacques Lacan*. Paris: EPEL, 2002. 170 pp.
4. Briole, G. "Le jeune Lacan, tel qu'en lui-même", *La Cause freudienne*, 2011, Vol. 79, No. 3, pp. 98–105.
5. Cambon, F. "Cheminement avec Heidegger, pas sans Lacan", *La Cause freudienne*, 2011, Vol. 79, No. 3, pp. 110–117.
6. Capron, F. "Psychanalyse et déconstruction", *Revue d'éthique et de théologie morale*, 2016, Vol. 290, No. 3, pp. 89–111.

7. Derrida, J. *Heidegger: la question de l'Être et l'Histoire*. Paris: Galilée, 2013. 325 pp.
8. Derrida, J. *Psyché. Invention de l'autre*. Paris: Galilée, 1987. 651 pp.
9. *Dictionnaire Martin Heidegger: vocabulaire polyphonique de sa pensée*, sous la direction de Ph. Arjakovsky, F. Fédier, H. France-Lanord. Paris: Les Éditions du Cerf, 2013. 1450 pp.
10. Freud, S. *Écrits philosophiques et littéraires*, édition révisée, corrigée et annotée par E. Roudinesco et J.-P. Lefebvre, traductions de M. Gérard, J.-P. Lefebvre, B. Lortholary et D. Tassel. Paris: Éditions du Seuil, 2015. 1728 pp.
11. Guérin, N. *Logique et poétique de l'interprétation psychanalytique. Essai sur le sens blanc*. Toulouse: ERES, 2019. 304 pp.
12. Heidegger, M. "Gimny Gel'derlina "Germaniya" i "Rein"" [Hymns of Hölderline *Germany* and *Rhine*], *Vox*, 2007, No. 2 [<https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%202%20-%20heidegger.pdf>, accessed on 16.12.2019]. (In Russian)
13. Heidegger, M. *Achèvement de la métaphysique et poésie*, trad. de l'allemand par J. Beaufret. Paris: Gallimard, 2005. 189 pp.
14. Heidegger, M. *Être et Temps*, trad. de l'allemand par F. Vezin. Paris: Gallimard, 1996. 600 pp.
15. Heidegger, M. *Introduction à la recherche phénoménologique*, trad. de l'allemand par A. Boutot. Paris: Gallimard, 2013. 368 pp.
16. Heidegger, M. *Les hymnes de Hölderlin: La Germanie et le Rhin*, trad. de l'allemand par F. Fédier et J. Hervier. Paris: Gallimard, 1988. 285 pp.
17. Heidegger, M. *Prolégomènes à l'histoire du concept de temps*, trad. de l'allemand par A. Boutot. Paris: Gallimard, 2006. 475 pp.
18. Izcovich, L. "L'Être de jouissance", *L'en-je lacanien*, 2008, Vol. 11, No. 2, pp. 35–46.
19. Izcovich, L. "L'identité sexuelle et l'impossible", *L'en-je lacanien*, 2008, Vol. 10, No. 1, pp. 81–92.
20. "Jacques Lacan: Conférence de Louvain", *La Cause Du Désir*, 2017, Vol. 96, No. 2, pp. 7–30.
21. *La psychanalyse* [Recherche et enseignement freudiens de la Société française de psychanalyse], Vol. 1: Travaux des années 1953–1955. De l'usage de la parole et des structures de langage dans la conduite et dans le champ de la psychanalyse. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. 291 pp.
22. Lacan, J. & Trénel, M. "Abasie chez une traumatisée de guerre (séance de la Société de neurologie du 2 février 1928)", *Revue neurologique*, 1928, T. 1, pp. 233–237.
23. Lacan, J. "Le jouir de l'être parlant s'articule", *La Cause Du Désir*, 2019, Vol. 101, No. 1, pp. 11–14.
24. Lacan, J. *Écrits I, Texte integral*. Paris: Éditions du Seuil, 1966. 576 pp.
25. Lacan, J. *Écrits II*. Paris: Éditions du Seuil, 1966. 418 pp.
26. Lacan, J. *Le Séminaire Livre I Les écrits techniques de Freud*. Paris: Éditions du Seuil, 1998. 436 pp.
27. Lacan, J. *Le Séminaire Livre III Les Psychoses (1955–1956)*. Paris: Éditions du Seuil, 1981. 362 pp.
28. Lacan, J. *Le Séminaire Livre V Les formations de l'inconscient (1957–1958)*. Paris: Éditions du Seuil, 1998. 526 pp.
29. Lacan, J. *Le Séminaire Livre X L'Angoisse*. Paris: Éditions du Seuil, 2004. 400 pp.
30. Lacan, J. *Le Séminaire Livre XX Encore*. Paris: Éditions du Seuil, 1975. 144 pp.
31. "Les mots d'esprit", *Études*, 2012, Vol. 416, No. 6, pp. 803–813.
32. Lévinas, E. *La mort et le temps*. Paris: L'Herne, 1991. 155 pp.

33. Lojkine, S. “Lacan avec Heidegger: le dépassement du paradigme linguistique”, *Exil – Transfert – Mémoire / Exil – Transfer – Gedächtnis*, dir. M. Picker, D. Kimmich, P. Lang. Frankfurt a/M.: Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2016, pp. 137–148.

34. Manzari, F. *Écriture derridienne: entre langage des rêves et critique littéraire*. Berne: Peter Lang, 2009. 389 pp.

35. Peraldi, F. “Le réel, la mort”, *Santé mentale au Québec*, 1990, No. 15 (2), pp. 17–32.

36. Perazzi, S. *Le parlêtre et la jouissance de la parole* [<https://www.lacan-universite.fr/wp-content/uploads/2018/01/06-Ironik28-Sylvette-Perazzi.pdf>, accessed on 16.01.2020].

37. Redeker, R. *Les Sentinelles d’humanité: Philosophie de l’héroïsme et de la sainteté*. Paris: Desclée De Brouwer, 2020. 300 pp.

38. Roudinesco, E. *Lacan, envers et contre tout*. Paris: Éditions du Seuil, 2011. 174 pp.

39. Saussure, F. de. *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot, 1995. 269 pp.

40. Simonelli, T. *De Heidegger à Lacan* [<http://www.psychanalyse.lu/articles/SimonelliHeideggerLacan.htm>, accessed on 29.11.2019].